

СИБИРСКИЕ ДЕПУТАТЫ ВО II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ*

Выборы во II Государственную думу в 1907 г. проходили по тому же избирательному закону, что и в I Думу, а следовательно, не изменилась норма представительства от Западной и Восточной Сибири.

Население Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Акмолинской областей, в том числе бурятское и киргизское (казахское), станиц Забайкальского и Сибирского казачьих войск имели право послать в Думу 20 депутатов. Для такого огромного края, каким была Сибирь, представительство мизерное.

Пренебрежительное отношение к восточной окраине со стороны центральной власти проявилось не только в этом. Сроки выборов определялись таким образом, что высшее законодательное учреждение страны начинало свою работу в отсутствие основной части "депутатского корпуса" от Сибири.

Если применительно к I Государственной думе несинхронность выборных кампаний в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии (т.н. степных областях) и в Европейской России в определенной мере можно объяснить запоздалым обнародованием нормативной базы выборов для азиатской части империи, то в 1907 г. и это, в общем-то, малоубедительное, объяснение лишалось оснований. Совершенно очевидно, что такой частный вопрос, как выборы в Государственную думу, логично вписывался в общее направление национально-региональной политики царского правительства.

К началу апреля 1907 г., т. е. спустя полтора месяца со дня открытия думских заседаний, в Петербург приехали 10 депутатов от Сибири – половина состава: четверо из Тобольской губернии: Т.В. Алексеев, Ф.И. Байдаков, В.В. Колокольников, Н.Л. Скалозубов; двое – из Акмолинской области: А.К. Виноградов, Ш. Коцегулов; один – из Семипалатинской области как представитель войскового населения Акмолинской, Семипалатинской областей и Томской губернии: И.П. Лаптев; двое – из Енисейской губернии: А. И. Бриллиантов, И.К. Юдин; один – из Иркутска: В.Е. Мандельберг. Всего в Государственную думу, по данным на 6 апреля 1907 г., прибыли 505 депутатов из 524 (ГАРФ. Ф.1327. Оп. I (II созыв). Д. 141. Л.1).

В Петербурге депутаты-сибиряки рассредоточились по разным квартирам, причем бывшие чиновники В.В. Колокольников и Н.Л. Скалозубов поселились вместе; их примеру последовали крестьяне Т.В. Алексеев и Ф.И. Байдаков. И только священник А.И. Бриллиантов предпочел гостиничные апартаменты, прописавшись на Невском проспекте в гостинице "Париж".

В течение апреля-мая прибыли другие депутаты края, за исключением томичей Е.Ф.

* Опубликовано: По страницам российской истории. Омск, 1996. С. 50-57.

Шишкина и П.В. Вологодского, так и не переступивших порога Таврического дворца до второго июня 1907 г., когда при закрытых дверях состоялось последнее, 53-е заседание II Государственной думы.

Согласно установившейся в I Думе процедуре регистрации, депутаты по прибытии должны были заявить о своей партийной принадлежности или сочувствии той или иной политической партии, равно как и о своей беспартийности. На основании сообщенных парламентариями сведений канцелярия Государственной думы подготовила список депутатов, распределив их по фракциям.

Сибирские депутаты были включены в состав восьми официально зарегистрированных думских объединений: "Социал-демократическая фракция и примыкающие к ней" (численность 65 чел.) – А.К. Виноградов, В.Е. Мандельберг, И.К. Юдин; "Фракция социалистов-революционеров и примыкающие к ней" (37 чел.) – А.И. Бриллиантов; "Народно-социалистическая фракция и примыкающие к ней" (16 чел.) – В.В. Колокольников, Н.Н. Скалозубов; "Трудовая группа и фракция всероссийского крестьянского союза и примыкающие к ним" (104 чел.) – Т.В. Алексеев, Ф.И. Байдаков, А.Г. Мягкий (Томская губ.), К.И. Иванов (Иркутская губ.); "Мусульманская фракция" (30 чел.) – Ш. Кошегулов; "Конституционно-демократическая партия и примыкающие к ней" (98 чел.) – Д.А. Кочнев, Б.-Д. О. Очиров, С.А. Таскин (все Забайкальская обл.), Н.Н. Розин (Томская, губ.); "Казачья группа" (17 чел.) – И.П. Лаптев; "Группа беспартийных" (50 чел.) – Я.А. Ревякин, Д.М. Тобоков (Томская губ.).

По инициативе ряда сибирских депутатов была сформирована сибирская парламентская группа, не получившая, правда, статуса фракции. Но в этом были и преимущества, на которые указывал и И.П. Лаптев в своих "письмах" (всего 12 писем), помещенных в журнале "Сибирские вопросы" (письма опубликованы за подписью "И.П.", но не вызывает сомнений, что их автором являлся Иннокентий Павлович Лаптев, использовавший в качестве литературного псевдонима собственные инициалы).

Сибирские депутаты, отмечал он во втором "письме другу" от 25 марта 1907 г., богаче интеллектуальными силами, чем депутаты Европейской России, и поэтому представлены в большинстве комиссий. Если бы сибиряки объединились во фракцию по критерию землячества, то их представительство в думских комиссиях, по установленным правилам, сократилось (Сибирские вопросы. -1907. - № 4. - С. 34).

Как известно, худа без добра не бывает. Депутаты от Сибири оказались избранными на общем собрании Государственной думы в состав 12 комиссий, некоторые – в несколько комиссий. Н.Л. Скалозубов удостоился чести работать в бюджетной комиссии, В.В. Колокольников и И.П. Лаптев – финансовой, А.К. Виноградов – библиотечной, имевших статус постоянных комиссий Государственной думы. Из временных комиссий (их было 9) сибирские

депутаты работали как равноправные члены в 7, созданных для рассмотрения ряда важных законопроектов: о неприкосновенности личности (Виноградов); о преобразовании местного суда (Байдаков); законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести (Алексеев, Скалозубов); по церковному законодательству (Бриллиантов, Кочнев); об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях (Мандельберг, избран секретарем комиссии. Председателем являлся П.Б. Струве); по народному образованию (Иванов, Таскин); в аграрную комиссию вошли И.П. Лаптев и Н.Л. Скалозубов.

Кроме того, сибирские депутаты были включены в состав двух комиссий, созданных для выполнения специальных поручений Государственной думы: продовольственной (Виноградов) и для рассмотрения вопроса о приемлемости обсуждения Государственной думой законопроекта об амнистии (Розин).

Активностью своих членов отличалась бюджетная комиссия, проведшая 16 общих заседаний, 50 заседаний подкомиссий (их было образовано 8). Комиссия поручила Н.Л. Скалозубову выступить на пленарном заседании Государственной думы в качестве докладчика. Такое выступление состоялось спустя три недели. Вечернее заседание 18 мая превратилось в "думский бенефис" Н.Л. Скалозубова, который 7 раз поднимался на трибуну. Он сказал: "Наша отдаленная Сибирь не виновата, что не имеет самоуправления, что она сама не может управиться своими собственными средствами, не может сама свои собственные, хозяйственные нужды удовлетворять; не виновата она, что эти вопросы мелкие, чисто местного значения, разрешаются за пять тысяч верст от того места, для которого они имеют значение. Вот ввиду всего этого я покорнейше прошу удовлетворить это требование местного населения" (Государственная дума. Второй созыв. Стеногр. отчет. Сессия вторая. Т. II. - СПб., 1907. - Стб. 846).

Докладывая Государственной думе о результатах обсуждения в бюджетной комиссии законопроекта Министерства путей сообщения о судоходстве по Байкалу, Н.Л. Скалозубов сообщил, что комиссия отклонила законопроект (9-ю голосами против 6-и). "Но я должен сказать, что после окончания работы бюджетной комиссии одним из членов Думы, представителем из Сибири, получены некоторые дополнительные сведения, которые, вероятно, будут здесь оглашены" (Там же. - Стб. 875).

Представителем оказался Д.А. Кочнев из Забайкальской области, пожелавший выступить сразу после доклада Н.Л. Скалозубова. Депутат Кочнев изложил содержание полученной им телеграммы и призвал парламентариев "в видах интересов местного населения" поддержать предложение Министерства путей сообщения о выделении сибирякам кредита. Все "пароходные" законопроекты передавались в редакционную комиссию, откуда они вновь вернулись в общее собрание Думы и были утверждены 29 мая 1907 г.

В вопросе о выделении кредитов на организацию срочного пароходного сообщения не

все сибирские депутаты занимали такую позицию, как Н.Л. Скалозубов и Д.А. Кочнев. Особого подхода придерживались социал-демократы.

На заседании 18 мая 1907 г. депутат от Иркутска В.Е. Мандельберг выступал не от своего имени, а по поручению социал-демократической фракции. Он заявил: "...мы должны заключение такого рода контрактов предоставить органам местного самоуправления". Прерывая оратора, из зала прозвучала реплика, что в том-то и дело, что в Сибири отсутствует земство. (Именно отсутствие земства имел в виду Н.Л. Скалозубов, предлагая согласиться с министерскими проектами). Но В.Е. Мандельберг не возмущен: "Я обращаю внимание Государственной Думы на то положение, в которое нас ставит наше правительство путем внесения таких контрактов, таких мелких дел в тот момент, когда уже действительно налицо является серьезная потребность населения. Это обстоятельство заставило нас, социал-демократов, воздержаться при голосовании кредита..." (Там же. - Стб. 858).

По части риторики В.Е. Мандельберг был самым активным сибирским депутатом. Причем, он просил слова в основном в пропагандистских целях, конструктивной критикой его выступления не отличались. Разве не демагогическим являлось предложение Мандельберга создать комиссию, "которая бы взяла в свои руки все переселенческое дело", прозвучавшее на общем собрании Думы 24 мая 1907 г., посвященном разъяснениям главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова по существу депутатского запроса от 17 апреля и дискуссии об организации правительством переселенческого движения?!

Приемы защиты народных интересов, использовавшиеся В.Е. Мандельбергом, не были типичными для представителей сибирских губерний и областей. Нагляднее всего их солидарность в отстаивании социально-экономических прав местного населения проявилась в вопросе о переселенческой политике правительства. 6 апреля 1907 г. на имя председателя Государственной думы поступило срочное заявление, под которым стояли подписи 36 депутатов. Инициаторами его принятия стали депутаты Тобольской губернии (Скалозубов, Байдаков, Алексеев, Колокольников), Сибирского казачьего войска (Лаптев), Акмолинской области (Кощегулов, Виноградов) и Семипалатинской области (Коншин).

Депутаты не ставили под сомнение целесообразность переселенческого движения в восточные районы страны. В запросе была поднята другая проблема: сбалансированного подхода к задаче переселения, максимального учета интересов старожильческого населения в местах водворения новоселов из Европейской России. Позиция сибирских депутатов не была понятна и многим их "парламентским коллегам". Не случайно Н.Л. Скалозубов, поднявшись на трибуну для критики разъяснений Б.А. Васильчикова, находился на ней значительно больше времени, чем его высокопоставленный оппонент. Николай Лукич заявил, что ему и его товарищам обидно слышать в кулуарах Думы вопрос: "Неужели вы, сибиряки, протестуете против переселения в Сибирь? Неужели в Сибири тесно? Неужели переселение должно

прекратиться?" (Там же. - Т. II. - Стб. 1113).

Обвинения в региональном эгоизме тобольский депутат отвел от себя и своих земляков, работавших в Государственной думе, как беспочвенные: "...мы, сибиряки, протестуем не против правильной колонизации, - она необходима для Сибири, она ее оживит, - протестуем против того беспорядочного, хаотического переселения, которое в настоящее время ведется... теперь происходит устройство в Сибири не переселенцев, а переселенческих чиновников" (Там же).

Широко распространенное мнение об огромных площадях никем не занятых земель в крае Н.Л. Скалозубов назвал легендой. Со знанием дела (вчерашний губернский агроном!), на конкретном материале оратор убеждал парламентскую аудиторию (не князя же Васильчикова) во взвешенности и обоснованности такого вывода. По глубине анализа ситуации это было не рядовое участие в прениях, а выступление на уровне доклада. В конце продолжительной речи Н.Л. Скалозубов в качестве квинтэссенции прозвучавших из его уст рассуждений отметил, что "нормальная колонизация Сибири будет возможна лишь с организацией общественной жизни в Сибири, с введением здесь земского самоуправления, уже обещанного Высочайшим рескриптом на имя графа Кутайсова" (Там же. - Стб. 1132).

Свое отношение к разъяснениям главноуправляющего землеустройством и земледелием по запросу успели выразить трое депутатов, двое из них - представители Сибири (Н.Л. Скалозубов и В.Е. Мандельберг). Но, в конце концов, Мандельберг не удержался и поспешил напомнить о себе как социал-демократе: "Пока этот строй будет существовать, пока будет капиталистический строй, до тех пор будет и переселение, до тех пор будет и эмиграция, до тех пор безработные и безземельные будут искать в далеких странах работы и земли" (Там же. - Стб. 1135-1136). Поскольку капитализм не собирался уйти с исторической арены даже под напором революционных сил 1905-1907 гг., В.Е. Мандельберг счел уместным выдвинуть идею (абсолютно бесперспективную) создания парламентской комиссии, ответственной за организацию "переселенческого дела".

Согласно утвержденному еще в I Думе регламенту, рассмотрение вопроса, сопровождавшегося личным участием председателя Совета министров или членов кабинета, заканчивалось принятием "формулы перехода к очередным делам". На 46-м думском заседании, 24 мая 1907 г., были предложены две "формулы". Первым поступило следующее предложение: "Признавая объяснения, данные представителем правительства, удовлетворительными, Государственная Дума переходит к очередным делам".

С такой оценкой переселенческой политики правительства Столыпина депутаты-сибиряки не согласились. В их "формуле" акценты расставлены иначе: "Признавая разъяснения, данные главноуправляющим земледелием и землеустройством по вопросу относительно мер, принятых к ускорению образования переселенческих участков в Сибири,

недостаточными, а мероприятия главного управления по организации переселенческого дела необеспечивающими интересы переселенцев и нарушающими интересы коренного сибирского населения, Государственная Дума переходит к очередным делам" (Там же. – Стб. 1137-1138).

Принятие предложения сибирских депутатов справедливо было воспринято самими депутатами и общественностью Сибири как моральная победа, пусть и небольшая, народных представителей от огромной окраинной территории России.

По поручению бюджетной комиссии II Государственной Думы Н.Л. Скалозубов подготовил проект доклада по смете переселенческого управления ГУЗиЗ, который, однако, не был внесен на общее собрание по причине роспуска Думы 3 июня 1907 г. Документ разработан основательно, о чем свидетельствует и внешний показатель: количество страниц, отпечатанных типографским способом, - свыше 35. Н.Л. Скалозубов называет источники бюджетной экономии: сокращение чиновничьего аппарата переселенческого ведомства, прекращение финансирования изданий справочного характера по переселению и плакатной продукции, так как в них содержалась информация о якобы свободных участках, вводившая в заблуждение многих переселенцев. В настоящее время, убеждает автор, устройство новоселов совершается в порядке опеки над ними: людей устраивают вместо того, чтобы помогать им устраиваться. "Отрицательные результаты такой системы сказываются громадным процентом фактически неустроенных переселенцев" (Доклады бюджетной комиссии второй Государственной думы (нерассмотренные Думой вследствие ее роспуска). - СПб., 1907. - С. 295). Н.Л. Скалозубов вновь высказывает убеждение в необходимости привлечения земств к организации переселений. В связи с этим, по его мнению, активизируется проблема введения земских учреждений в Сибири: "Будущие земства Сибири должны, при содействии правительства, принять на себя заботы о водворении новоселов и организовать им помощь кредитную, агрономическую и врачебную" (Там же. - С. 330).

Интересной и поучительной представляется практическая рекомендация Н.Л. Скалозубова, сформулированная в конце его проекта. Государственной думе предлагается законодательно оформить создание специальной парламентской комиссии по переселенческому делу. Не заимствовал ли Скалозубов идею, озвученную Мандельбергом 24 мая 1907 г.? Соображения тобольского и иркутского депутатов схожи только формально. Н.Л. Скалозубов в компетенцию комиссии включал не "все переселенческое дело", как настаивал В.Е. Мандельберг, а две задачи: выяснение объективного положения дел в этой сфере и разграничение полномочий правительства и местных органов самоуправления, а также определение тех мероприятий, которые "можно предоставить с успехом для дела частной инициативе" (Там же). Предложения Скалозубова, таким образом, вписываются в то направление деятельности депутатов, которое квалифицируется как "органическая работа", а

заявление Мандельберга подходит в качестве иллюстрации использования думской трибуны в пропагандистских целях политической партии.

II Государственная дума просуществовала 103 дня, а парламентский отрезок биографии сибирских депутатов оказался короче этого небольшого периода. Правда, опыт думской работы Н.Л. Скалзубова и А.Г. Мягкого получил продолжение в следующей, III Думе. С.А. Таскин вернулся в залы Таврического дворца спустя 5 лет, имея мандат депутата Государственной думы четвертого созыва. И.П. Лаптев не оставил общественной деятельности и в 1915 г. стал выборным членом Государственного совета. "Думская школа" 1906-1907 гг. (I и II Государственные думы) явилась важным этапом в формировании Иннокентия Павловича Лаптева как политического деятеля.

Провокация в отношении социал-демократической фракции, обвиненной в подготовке антиправительственного военного заговора, не только разрушила общественную карьеру А.К. Виноградова, И.К. Юдина и В.Е. Мандельберга, но и лишила их права распоряжаться собственной судьбой. По решению суда бывшие депутаты оказались на каторге. "Вы знаете, что Виноградов... в Сибири, в Александровской каторжной тюрьме? - спрашивал в письме житель Омска, некий "Е.В.Б." своего знакомого, студента Томского технологического института в феврале 1910 г. - Туда послали его мы, прогрессивные люди. Мы изуродовали ему жизнь. Благодаря нам, его жена и мать его ребенка голодала".

Яркий след в памяти многих современников, депутатов II Государственной думы и журналистов, аккредитованных в парламентском пресс-центре, оставил священник А.И. Бриллиантов. Его слова обличения карательной политики царизма, произнесенные 7 мая 1907 г. при обсуждении разъяснений министра юстиции по запросу об истязаниях политических заключенных Алгачинской тюрьмы, взбудоражили и правую, и левую части зала заседаний. "Мой сан и крест, принятый мною на себя, - отметил депутат Енисейской губернии, - заставляют сказать господам министрам, что всякое правительство, не считающееся ни с требованием народных представителей, ни с общественным мнением, всякое правительство, основанное только на насилии и произволе, правительство, мстящее своим пленникам, такое правительство непрочное: его сила, его оружие могут обратиться против него самого. Но и тогда, когда роли переменятся, - когда, быть может, угнетаемый народ станет господином, получит свои права, и тогда народ не будет мстить своим притеснителям за все их злодеяния. (...) Пусть министры не боятся народа" (Государственная дума. Второй созыв. Стеногр. отчет. Сессия вторая. - Т. II. Стб. 272-273). Священник А.И. Бриллиантов, добровольно записавшийся в Думе во фракцию социалистов-революционеров, отказывался, как явствует из его выступления, приносить нравственные принципы на алтарь партийной борьбы.

Сибирские депутаты, получившие от избирателей пропуск в Государственную думу второго созыва, оправдывали народное доверие по-разному, в силу своих природных

способностей и своего понимания приоритетных направлений парламентской деятельности. Документы показывают: среди них были яркие личности, деятельные парламентарии. Наиболее известным среди них стал талантливый селекционер, создатель ряда сортов зерновых культур, организатор Тобольского губернского музея Николай Лукич Скалозубов. Это был прогрессивный общественный деятель, хоть он не состоял ни в какой политической партии. Известно, что тобольский губернский агроном депутат Государственной думы Н.Л. Скалозубов спас от смертной казни известного революционера М.В. Фрунзе, собрав необходимые 30 подписей Думы для депутатского запроса министру внутренних дел, что было по существу протестом против казни М.В. Фрунзе.